

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИНИОН РАН)

ИСТОРИЯ РОССИИ

в современной зарубежной науке

Часть 3

Т.К. Сазонова

**АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ
В СОВЕТСКОЙ РОССИИ: СОВРЕМЕННАЯ
ФРАНЦУЗСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
(Реферативный обзор)**

В современной франкоязычной литературе, посвященной истории русской революции и СССР, большое внимание уделяется вопросу об административных практиках. При этом предметом анализа становятся методы их изучения, преемственность в административных практиках Российской империи и СССР, перемены, привнесенные в эту область в 1930-е годы в сравнении с предшествующим десятилетием, материальное измерение административных практик, история отдельных учреждений и персоналий.

Специфике функционирования административных учреждений в коммунистических обществах посвящен отдельный номер журнала «Societes Contemporaines», который называется «Бюрократические игры при коммунистическом режиме» (5). Во введении к номеру социологи Страсбургского университета В. Дюбуа, В. Лозак и Дж. Роуэлл подробно анализируют термины «бюрократизм» и «бюрократический», используемые обычно для характеристики коммунистических режимов, и отмечают, что их употребление часто является политически нагруженным и служит разоблачительским целям. Так, в послевоенный период определение «бюрократический» применялось, с одной стороны, для установления сходства между Советским Союзом и нацистской Германией в рамках «тоталитарной парадигмы», с другой - и в этом отношении эстафетная палочка была подхвачена Соединенными Штатами Америки - с целью разоблачить «советскую модель» и оправдать «западный мир» (5, с. 7). Употребление «бюрократической тематики» в контексте разоблачения тоталитаризма прослеживалось на страницах журналов «Socialisme ou Barbarie» и «Esprit». Таким образом, пишут авторы введения, использование термина «бюрократический» для характеристики режимов в СССР и странах Восточного блока служило доказательством превосходства западной модели - более современной и эффективной (5, с. 8).

Термин «бюрократический» используется в научном обиходе в различных смыслах, обозначая то способ политического господства, то модель организации экономики, то тип функционирования (или же

дисфункции) административного аппарата. Оценивая вклад, внесенный в исследование проблемы бюрократизма М. Вебером, Б. Рицци, Д. Бернхемом, М. Крозье и др., авторы предлагают использовать другой подход: рассмотреть взаимодействие терминов «бюрократия» и «коммунизм» в связи с вопросом о способах административного функционирования, свойственных коммунистическим режимам. В центре анализа, таким образом, оказываются «управленческие практики» и «конкретные отношения» (5, с. 11). По мнению авторов, только такой подход позволяет поместить административные учреждения в контекст социальных отношений и отношений власти, а в более широкой перспективе - способствовать «лучшему пониманию социополитических характеристик коммунистических режимов и их особенностей» (5, с. 11).

Документы Политбюро и политической полиции, как отмечают авторы введения, позволяют проследить тоталитарные интенции, но не дают понимания того, каким образом они «вписываются в социальную реальность» (5, с. 11). Вместе с тем знакомство западных исследователей с ранее «запрещенными» архивами принесло им разочарование: воспитанные на западных традициях прочтения архивных материалов, исследователи не обладали «непосредственным опытом» жизни в социалистических обществах, «знанием их шифров и их языка» (5, с. 12).

Авторы утверждают, что для открытия новых перспектив исследования при анализе источников ученый должен интегрировать такие факторы, как «взыскательная критика источников», «изменение и сопоставление масштабов анализа и позиций наблюдения», равный интерес как к «индивидуальным траекториям и социальному составу организаций», так и к «взаимодействию между акторами и учреждениями» (5, с. 12).

В ряде работ, продолжающих традиции «ревизионистской» исторической школы и социальной истории, делается акцент на профессиональных группах, являвшихся хранителями специализированного знания в рамках своих учреждений, которые находились в сложных взаимоотношениях с коммунистической партией (см.: 1; 2; 3; 6). Вместе с тем, пытаясь отыскать пределы властного господства в сфере социального, исследователи зачастую воспринимают политику как «внешний» фактор, который воздействует на социальную группу с целью сломить ее независимость и сопротивление.

Авторы введения ставят вопрос о методах исследования «социологии коммунистических административных учреждений», предлагая сосредоточить внимание на практиках управления и «бюрократических играх» (5, с. 13). Поэтому административный аппарат следует рассматривать не просто как инструмент господства, но и с точки зрения его влияния на властные отношения. В этом смысле «социоистория бюрократических игр точно вписывается в анализ отношений политического господства во всей их сложности» (5, с. 14).

По мнению В. Дюбуа, В. Лозак и Дж. Роуэлла, при изучении коммунистических административных учреждений необходимо учитывать урок политической социологии: взаимодействие между «государством» и «обществом» не заключается в установлении отношений между двумя изначально разобщенными институтами. Они подчеркивают, что не только административные закономерности проникают в сферу социального, но и логика социального вторгается в обычное функционирование государства. Границы между политическим и социальным размываются.

В своем совместном исследовании французские историки, специалисты в области демографии Ален Блюм и Мартина Меспуле предлагают новый подход к изучению истории Советского Союза, и в частности сталинизма (1; 2). Нацеленный на примирение двух оппозиционных точек зрения - тоталитаристской и ревизионистской, - он, в сущности, является их синтезом. Получив доступ к советским архивам после 1991 г., ученые стали разрабатывать комплексный подход, ориентированный на исследование «не только социальной истории политики, но и политической истории социума» (1, с. 6-7).

Авторы книги предлагают новое прочтение истории Центрального статистического управления (ЦСУ) как истории «двойного конфликта»: с одной стороны, между политическими руководителями, в основе которого лежали различные концепции государства, с другой - между ЦСУ и другими органами управления, в том числе милицией и контрольными органами. «Анализ всех этих трений и противоречий», по мысли Блюма и Меспуле, «позволяет по-новому осветить не только процесс строительства репрессивного сталинского государства», но и утверждать, что даже в его рамках существовали «зоны автономии» (1, с. 10).

Центральное место в исследованиях французских ученых, посвященных истории ЦСУ (1; 2; 3; 6), занимает идея преемственности с дореволюционной Россией. Преемственность обеспечивалась прежде всего феноменом «институциональных скольжений». Российские земские статистики во время Первой мировой войны стали работать в учреждениях, созданных для преодоления экономико-социальных последствий войны (Бюро переписи 1916 г.) и занимавшихся вопросами снабжения (Союз Земств). ЦСУ, образованное в 1918 г. на базе этих организаций, автоматически превратило бывших имперских специалистов в сотрудников первой объединенной статистической службы большевистского государства. Таким образом, происходило «скольжение» или «перемещение» одного учреждения в другое. То же происходило и с людьми, причем не последнюю роль здесь сыграла фигура П.И. Попова, который одно за другим возглавлял статистические ведомства в переходный период. Так, в частности, пять из шести статистиков, занимавших ответственные посты в Бюро переписи, переведенном впоследствии под эгиду ВСНХ, в июле 1918 г. вместе с Поповым поступили в ЦСУ, став руководителями отделов.

М. Меспуле особое внимание обращает на внутреннюю структуру ЦСУ, выделяя в ней такие важные составляющие, как коллегия, а также «три научных инстанции» - Совет статистики, съезд статистиков и статистическое совещание. По всей стране была также создана «разветвленная сеть региональных статистических бюро», напрямую подчиненных ЦСУ (6, с. 127, 129). Меспуле, в целом, оценивает создание ЦСУ как пример «реализации институционального проекта» представителей определенной профессии.

Важной составляющей преемственности была опора сотрудников ЦСУ на методы работы, сформированные до революции. Еще в 1880-е годы земские статистики разработали единый научный проект, нацеленный на социально-экономическое развитие всей территории России. В основе его лежало признание необходимости гомогенизации и унификации объектов изучения, методов сбора данных и их обработки. До середины 1920-х годов в этом отношении сохранялась преемственность с дореволюционной практикой, в частности при установлении границ районов сбора данных.

Статистики являлись носителями проекта социальных преобразований, концепции государственной модернизации, уходящей корнями в XIX в. ЦСУ и создается как учреждение по своей форме «централизованное,

иерархическое, структурированное вокруг ряда департаментов, соответствующих крупным отделам статистики XIX века» (3, с. 353). С западноевропейской традицией русских статистиков сближали также понимание «научной рациональности» как орудия «политической эффективности» и приверженность принципу независимости статистического управления от политической власти, закрепленному резолюциями Флорентийского конгресса 1867 г. (3, с. 354).

Назвав статистику областью «аполитической», статистики на совещании, состоявшемся в октябре 1918 г., «подтвердили необходимость сохранить независимость» своего ведомства, рассматривавшуюся ими как прямое условие сохранения его научного характера (6, с. 122). Статистики хотели видеть независимым само ЦСУ, а организации его разветвленной региональной сети - подчиненными непосредственно Центральному ведомству.

Первоначально ЦСУ было независимым учреждением, подчиненным напрямую Совету Народных Комиссаров (СНК). Создание объединенной статистической службы, как отмечают авторы, «соответствовало давнишнему стремлению сообщества статистиков бывших земств», воспринявших большевистский проект как возможность реализации собственной концепции государственной модернизации (6, с. 120).

Преимственность с земскими службами прослеживается и в практиках найма персонала: набор сотрудников и распределение обязанностей в управлении между 1918 и 1924 гг. основывались на компетенции и профессиональном опыте. Интересно, что источники (досье и личные карточки сотрудников ЦСУ) не содержат материала для анализа социального происхождения работников. Однако ситуация кардинально изменится к 1924 г., когда в ходе проводимой чистки классовая принадлежность будет являться «клеймом» и причиной для увольнения. Значение классовой идентичности будет возрастать начиная с середины 1920-х годов. В ходе чистки 1924 г. ЦСУ будут также предъявлены обвинения в «кумовстве»: побуждаемые как нравственными, так и практическими соображениями (связанными с потребностью в образованных сотрудниках), руководители ведомства после революции давали работу своим родственникам (в том числе женщинам), товарищам по университету, бывшим коллегам.

В большинстве своем статистики происходили из дворян, буржуазии,

работников умственного труда, иногда - крестьян и очень редко - рабочих. Получив образование в ведущих университетах России и Европы, многие из них отличались антимонархическими настроениями, побывали в политической ссылке. Но именно ссылка стала своеобразным рычагом для построения карьеры в сфере статистики: начиная с 1870-х годов среди ссылных завязывались дружественные и профессиональные связи. Сам Попов не избежал ссылки, а в будущем активно использовал наработанные в провинции контакты при формировании управления, команда которого в первые годы отличалась однородностью и сплоченностью.

Вместе с тем сразу же произошло расширение штата Статистического управления в связи с созданием ряда отделов. С приходом новых сотрудников, представителей более молодого поколения, рожденного уже в 1880-е годы (в отличие от земских статистиков, большинство из которых родилось в 1860-е и 1870-е годы), в управлении стали возникать конфликт, начались опоздания, прогулы и даже отмечались случаи доносительства (6, с. 143). В этих условиях центральным принципом статистиков стало внимание к квалификации нанимаемых сотрудников. В управлении применялась «квалификационная сетка», в которой было четко обозначено соотношение квалификации и должностей (6, с. 145). Стремление ЦСУ к утверждению своей независимости и найму персонала воплотилось в учреждении им собственного аппарата по формированию кадров (6, с. 194).

Обстановка в ведомстве была с первых же лет крайне напряженной из-за отрицательного отношения статистиков к коммунистам и восприятия последних как навязанного им зла (1, с. 51). Однако резкое обострение отношений между партией и ЦСУ произошло только в середине 1920-х годов из-за давших о себе знать расхождений в понимании смысла «управления государством при помощи цифровых данных» (1, с. 30). В то время как статистики стремились к «эффективности научной работы», властные структуры были нацелены на «эффективность политического действия» (6, с. 125).

Поворотным моментом для истории ЦСУ стал XIII съезд партии в 1924 г., на котором И. В. Сталин подчеркнул решающее значение коммунистической партии в управлении государством и выразил «неодобрение по поводу функционирования государственной статистики» (1, с. 41). Этот съезд ознаменовал переход от административного контроля над статистическим ведомством к

контролю политическому (6, с. 246). После прибытия в ЦСУ в июле 1924 г. коммуниста Н. Г. Оганесова П. И. Попов фактически потерял рычаги контроля над созданным им ведомством. Итогом присутствия Оганесова стало начало чистки 1924 г., основанной на выдвинутых им в адрес ЦСУ обвинений в кумовстве, предоставлении убежища ряду антиреволюционных элементов и сопротивлении сотрудничеству с коммунистами (1, с. 43). Тем не менее благодаря усилиям П. И. Попова чистка 1924 г. затронула главным образом административный и управленческий персонал. Верный идеалу научной рациональности, директор ЦСУ отстоял специали- стов-статистиков как основу научной значимости своего ведомства.

Еще одним инструментом борьбы против независимости ЦСУ было поощрение доноительства: доносы в основном практиковались сотрудниками низшего звена, недовольными своим положением. Таким образом, анализ ситуации внутри отдельно взятого ведомства в определенный период времени позволяет французским исследователям проследить становление системы контроля (1, с. 56). Ее важным элементом являлся непосредственный контроль со стороны Главного политического управления (ГПУ). ГПУ использовало в этих целях анкеты, которые заполнялись людьми при приеме на работу, и сообщения партийных ячеек по месту жительства сотрудников.

«Напряжение» между «статистическим разумом» и «политическим разумом» не раз сказывалось в процессе подготовки и проведения переписей в 1920-е годы (6, с. 207, 214). В частности, партия приняла активное участие в подготовке первой всесоюзной переписи 1926 г., оттеснив ЦСУ на задний план. Более того, проведенная государством в 1923-1928 гг. территориальная реформа, следствием которой стало усиление административной централизации, навязывала статистикам новый исследовательский инструментарий, подрывавший методологическую преемственность с дореволюционным периодом и вынуждавший адаптироваться к требованиям планового хозяйства (6, с. 285). В то же время учреждение в 1924 г. Института народного хозяйства имени Г.В. Плеханова поставило точку в самостоятельности ведомства в сфере подготовки кадров: партия стала контролировать разработку учебных курсов, программ и отбор кандидатов (6, с. 249).

Еще одним следствием XIII съезда стала утрата ЦСУ своей институциональной и фактически профессиональной идентичности: в рамках «новой концепции производства данных» статистики были обязаны отчитываться перед новообразованным Госпланом (6, с.

237-238). Расхождения в статистических вопросах, которыми были отмечены дебаты представителей ЦСУ и Госплана, в сущности, по мысли Меспуле, свидетельствовали о переходе от «формы статистики, унаследованной от земств и европейской статистики» к советской форме, которая будет развиваться в 1930-е годы. Характерными чертами последней станут большая концентрация на отчетности, бухгалтерии, а также и новые методы - «синтетические балансы и квантификационные показатели» (6, с. 260).

А. Блюм и М. Меспуле анализируют профессиональные биографии П. И. Попова и О.А. Квиткина, руководивших ЦСУ соответственно в 1920-1930-х годах. Их судьбы (Попов был отстранен от руководства ведомством, а Квиткин расстрелян) отразили степень остроты конфликта между статистиками и коммунистической партией на рубеже 1920-х и 1930-х годов. Рассмотрение траекторий профессионального пути Попова и Квиткина позволяет сделать важные заключения, поставить новые исследовательские задачи и найти новые способы их решения. Биографии двух руководителей ЦСУ демонстрируют, прежде всего, ужесточение методов контроля государства, достигших прямого насилия и посягательства на человеческую жизнь в 1930-е годы. В 1926 г. дело ограничилось увольнением Попова, который, однако, превратился из авторитетного руководителя и независимого специалиста в простого исполнителя властных распоряжений. В то же время именно отстранение Попова и замена его партийным управленцем В. В. Осинским расцениваются М. Меспуле как первый признак «поражения» статистиков и превращения их ведомства в конце 1920-х годов в плацдарм борьбы с «буржуазными специалистами» (6, с. 285).

В начале 1930 г. декретом ЦИК и СНК ЦСУ было лишено статуса комиссариата и отдано под контроль Госплана СССР, став одним из его секторов - «Сектором учета народного хозяйства». Понимаемая как инструмент учета и управления, статистика была подчинена плану, поставлена ему на службу (6, с. 298).

Среди коренных трансформаций в жизнедеятельности ЦСУ в 1930-е годы французские исследователи выделяют повышение мобильности персонала, вызванное чистками. Характерными чертами изменений в области найма работников станет сокращение среди сотрудников ЦСУ уроженцев Москвы и Московской области и привлечение к работе «нового поколения красных кадров». Не отличаясь ни

компетентностью, ни образованием, они использовали свою партийность как инструмент для выдвижения (3, с. 358).

В целом, можно резюмировать использованный Блюмом и Меспале подход для исследования «формирования управленческих механизмов сталинского государства» следующим образом. Поставив во главу угла роль отдельного человека, ученые обращали внимание как на накопленный им опыт, так и на его взаимодействие с другими людьми и организациями. Таким образом, человек предстал не пассивным субъектом, а участником формирования социума. В этом свете и «власть» может быть истолкована не как дело рук одного человека или группы лиц, а как результат взаимодействия «между теми, кто правит, и теми, кем правят» (1, с. 263). Однако это отнюдь не умаляет значения, придаваемого исследователями и самому учреждению как пространству, где происходит взаимодействие людей. На примере сотрудников ЦСУ Блюмом и Меспале ставится вопрос о сотрудничестве или сопротивлении и, в более узком смысле, о характере участия каждого в той трагедии, которая развернется в СССР в 1930-е годы.

В статье Ива Коэна представлен иной угол зрения на административные практики, которые «удушали» политику, являясь инструментом, позволяющим блокировать любое ее проявление (4, с. 270-271). В центре внимания автора находится материальное измерение административных практик, включавшее в себя такие технические приспособления, как телеграф, телефон, картотеки, и позволяющее рассмотреть «технический аспект» управления еще и в конкретных историко-географических условиях.

Для подкрепления и иллюстрации своего тезиса о политической значимости материальности административных практик автор делает акцент на следующих примерах: введение «системы карточек» в Советском Союзе в начале 1920-х годов как формы рационализации и автоматизации управления, а также внедрение так называемого «диспетчинга» в промышленной администрации в начале 1930-х годов. Обе системы механизации управления были заимствованы из американской и европейской практики, однако изобилие технической литературы по этому вопросу свидетельствует, по мнению Ива Коэна, о том, что «СССР был гораздо более значительным полем для освоения *scientific management* в области промышленности и администрации, чем любая другая страна в мире» (4, с. 277).

Советский диспетчинг, сменивший «функциональную организацию» 1920-х годов, сформировал систему вертикального подчинения на предприятии, ликвидировав «командование со стороны» (4, с. 290). Своеобразной «лабораторией» или экспериментальным полем для введения диспетчинга в Советском Союзе была Ленинградская область как оплот тяжелой промышленности. Диспетчинг стал наиболее активно внедряться в тяжелой промышленности в конце 1937 г., когда на страну обрушились репрессии. В рамках реформы в каждой центральной дирекции Народного комиссариата тяжелой промышленности (НКТП) было создано два дополнительных отдела - технический и производственно-распорядительный, в котором и работали диспетчеры, молодые инженеры, выдвинувшиеся в эпоху Большого террора. Диспетчеры должны были по несколько месяцев оставаться на предприятиях в целях лучшего их изучения, что позволяло преодолевать бюрократизм, одним из недостатков которого являлось «управление на расстоянии». Реформа тяжелой промышленности, таким образом, была напрямую связана с репрессиями и «сталинским обновлением кадров», пишет автор. В этих условиях диспетчинг рассматривался как «чудесное решение» проблемы управления промышленностью.

И. Коэн обращает внимание на неудачи, которые скоро дали о себе знать при введении системы диспетчинга. Схемы диспетчинга были всюду стандартными и не учитывали особенностей конкретного производства. Автор констатирует, что система диспетчинга начала быстро разлагаться, «не сумев преодолеть хаос, с которым она была призвана бороться» (4, с. 292).

Среди других проявлений материальности административных практик Коэн упоминает телефон, который стал «замечательным инструментом контроля» в высших эшелонах власти (4, с. 297). В советских условиях телефон также являлся институциональным воплощением властного произвола. Наличие телефона, продолжает Коэн, являлось также признаком принадлежности к власти, «иерархической привилегией» (4, с. 300). Наконец, телефон создавал эффект присутствия на расстоянии - будь то пространственном, социальном или иерархическом.

По мнению Коэна, «административные формальности» в СССР всегда были наполнены материальным содержанием. Вопрос о материальности административных форм волновал большевистское

руководство, о чем свидетельствуют целые тома, посвященные проблемам документооборота и хранения документов, а также секретной переписке. Созданная в 1922 г. инструкция по указанным вопросам действовала до конца 1980-х годов (4, с. 303).

Исследования советских административных практик во французской историко-социологической литературе позволяют выйти за рамки понимания истории администрации как истории структур, форм, организаций и финансирования, а также исключительно социальной истории, позволяя увидеть политическое измерение управленческой реальности.

Литература

1. *Блюм А., Меспуле М.* Бюрократическая анархия: Статистика и власть при Сталине / Пер. с фр. - М.: РОССПЭН, 2008. - 372 с.
2. *Blum A., Mespoulet M.* L'anarchie bureaucratique: Statistique et pouvoir sous Staline. - Paris: Decouverte, 2003. - 372 p.
3. *Bhim A., Mespoulet M.* Le passe au service du present. L'administration statistique de l'Etat sovietique entre 1918 et 1930 // Cahiers du monde russe. - Paris, 2003. - N 44/2-3. - P. 343-368.
4. *Cohen Y.* Administration, politique et techniques. Reflexions sur la materialite des pratiques administrative dans la Russie stalinienne, (1922-1940) // Ibid. - P. 269-308.
5. *Dubois V, Lozac 'h V, Rowell J.* Jeux bureaucratiques en regime communiste // Societes contemporaines. - Paris, 2005. - N 57. - P. 5-19.
6. *Mespoulet M.* Statistique et revolution en Russie: Un compromis impossible, (1880-1930). - Rennes: Presses univer. de Rennes, 2001. - 337 p.